

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-596-618

EDN: BDCTQC

Белорусская семья в фокусе вызовов будущего*

А.А. Белов¹, А.Н. Данилов², М.А. Корнеевец², Л.В. Филинская³

¹Научно-технологический парк ООО «ИнКата»,
Пекинский просп., 18, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»,
Минская область, 222210, Республика Беларусь,

²Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь,

³Центр социологических и политических исследований БГУ
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь,

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by;
max.berg711@gmail.com; filinskalv@gmail.com)

Аннотация. Программа «Поколения и гендер» (GGP — Generations and Gender Programme) — международное сравнительное исследование, направленное на изучение демографических, социальных и экономических аспектов жизни населения, чтобы выявить, как новые вызовы влияют на изменения в семейной и демографической динамике, включая брачность, рождаемость, разводы, гендерные роли и межпоколенческие отношения. Основной исследовательский инструмент программы — панельное обследование Generations and Gender Survey (GGS), которое предоставляет детализированные данные о повседневной жизни, семейных связях и социально-экономическом положении населения. На основе последней доступной для анализа волны исследования были отобраны по несколько стран из каждого из четырех профилей, выделенных авторами (чтобы обеспечить репрезентативность описания каждого профиля): в первый профиль вошли Австрия и Германия, во второй — Норвегия и Великобритания, в третий — Эстония и Хорватия, в четвертый — Беларусь. Установлено, что демографическое развитие Беларуси соответствует глобальным тенденциям: наблюдается относительно равномерное распределение рождаемости по возрастным группам, сохраняется тенденция на смещение деторождений на более поздний репродуктивный возраст, фиксируется разрыв между декларируемыми установками на желаемое число детей и фактическим уровнем рождаемости. Бездетность остается наименее предпочитаемой моделью, тогда как двухдетная семья — наиболее распространенный ориентир, однако в Беларуси и Эстонии наблюдается тренд снижения желаемого числа детей среди молодых поколений. Такие факторы, как получение образования, финансовая стабильность, жилищные условия и государственная поддержка, могут смещать рождение детей на более поздний возраст, что влияет на итоговое число рожденных детей.

Ключевые слова: Республика Беларусь; программа «Поколения и гендер»; белорусская семья; репродуктивный возраст; образование; финансовая стабильность; жилищные условия; государственная поддержка

*© Белов А.А., Данилов А.Н., Корнеевец М.А., Филинская Л.В., 2025

Статья поступила в редакцию 17.02.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Белов А.А., Данилов А.Н., Корнеевец М.А., Филинская Л.В. Белорусская семья в фокусе вызовов будущего // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 596–618. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-596-618>

Новые вызовы и сопутствующие им риски оказывают значительное влияние на устойчивое функционирование современного общества, а тем более на его долгосрочное развитие. Речь идет о вызовах, связанных с глобальной нестабильностью, биологическими и киберугрозами, проблемами цифровизации и искусственного интеллекта [6; 12]. Они помогают человечеству выживать, находить правильные ответы на новые вопросы, но нельзя не видеть и порождаемые ими масштабные кризисы: экономические, экологические, антропологические и др. В условиях глобальной нестабильности возникают связи и взаимодействия, которые фиксируют социальные изменения, некую иную целостность, кризис техногенной цивилизации. Катализаторами перемен на пути к безопасному будущему выступают ценности, прежде всего ценность семьи [4; 5; 13], которая также претерпевает изменения под влиянием социальных трансформаций. Будущее через современность предъявляет свои требования к процессам в обществе и во многом определяет ход глобальной эволюции — как восхождение сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности и сложности. В XXI веке вместо упрощения ситуации происходит резкое обострение нерешенных проблем. Предстоит тщательная ревизия накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление собственных ошибок и утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения — необходимого условия безопасного будущего и нового мировоззрения, связанного с возвращением способности осознавать реальные смыслы человеческого бытия.

На протяжении XX века на территории Республики Беларусь наблюдалось стремительное и однонаправленное изменение поселенческой и образовательной структуры — в сторону увеличения доли населения, проживающего в крупных городах, и доли населения с высшим образованием. В первой четверти XXI века данные тенденции ускорились, особенно в части образовательной структуры. В результате группы, которые и сегодня характеризуются высоким уровнем рождаемости (около трех детей на женщину), — сельское население без высшего образования, в настоящее время составляют менее 15 % в общей численности женщин фертильного возраста. Сложившаяся ситуация обусловила ускорение второго демографического перехода, с которым в предыдущие десятилетия столкнулось большинство развитых стран. Его отличительные особенности — низкая смертность, высокая продолжительность жизни

и невысокий уровень рождаемости [6]. Вместе с тем нельзя утверждать, что страны, в которых произошел второй демографический переход и для которых характерна высокая доля городского и высокообразованного населения, однородны с точки зрения показателей рождаемости: их суммарный коэффициент рождаемости (скорректированный на темпо-эффект) варьирует от 1,38 (Италия) до 2,03 (Франция). Эти различия порождают ситуацию, когда в одних развитых странах наблюдается стремительная естественная убыль населения, а для других прогнозируется его естественный прирост как минимум до 2070-х годов.

Соответственно, актуальной научно-практической задачей становится выявление факторов, которые способствуют более высокой рождаемости в странах второго демографического перехода. Для ее решения необходимо изучение репродуктивного и матримониального поведения, которое во многом определяет уровень рождаемости. Наиболее полное представление о факторах, влияющих на репродуктивное и матримониальное поведение, позволяет получить исследовательская программа «Поколения и гендер» (GGP — Generations and Gender Programme) [2; 3] — международное сравнительное изучение демографических, социальных и экономических аспектов жизни населения. Основная цель GGP — анализ факторов изменений в семейной и демографической динамике, включая брачность, рождаемость, разводы, гендерные роли и межпоколенческие отношения; главный исследовательский инструмент — панельное обследование Generations and Gender Survey (GGS), которое предоставляет детализированные данные о повседневной жизни, семейных связях и социально-экономическом положении. В статье использованы данные последней волны GGS II [15], в которой был существенно расширен круг семейно-бытовых вопросов.

Итак, демографическое поведение представляет собой совокупность действий и установок, определяющих динамику воспроизводства населения, а также изменения в структуре брачно-семейных отношений. Анализ демографического поведения становится особенно актуальным в условиях второго демографического перехода, который сопровождается кардинальными изменениями в репродуктивных и матримониальных установках, которые отражают как общие тенденции, характерные для большинства европейских стран, так и уникальные особенности, обусловленные социально-экономическими и институциональными факторами каждой страны. Изучение трансформации ценностных ориентиров и установок целесообразно проводить в поколенческом разрезе, что позволит отразить общие тренды в конкретный временной интервал и учесть гетерогенность общества. Определение различий между поколениями — важный этап разработки адаптивной социально-демографической политики, направленной на стабилизацию

брачно-семейных отношений и повышение уровня реализации репродуктивных установок.

Рождаемость — одна из ключевых характеристик демографического развития, важная для понимания долгосрочных изменений в численности и структуре населения. В рамках текущего статистического учета наиболее валидным индикатором рождаемости выступает ее суммарный коэффициент, скорректированный на темпо-эффект. Поскольку в условиях второго демографического перехода снижение рождаемости тесно связано с изменением ценностных ориентаций, ростом индивидуализации, увеличением возраста вступления в брак и рождения первенца, скорректированный коэффициент позволяет устранить искажения, вызванные временными изменениями, и более точно оценить долгосрочные тенденции. Так, общая динамика показателя среди европейских стран с 2008 по 2018 годы демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению [14], что отражает как структурные изменения в социально-экономической ситуации европейского региона, так и трансформацию репродуктивных установок в условиях второго демографического перехода. Однако, несмотря на общие тренды, наблюдаются и значительные различия в профилях демографического поведения — как в уровне рождаемости, так и в особенностях брачно-семейных отношений, что обусловлено неоднородностью социально-экономических условий, семейной политики и доминирующих культурных ценностей.

Для выявления основных демографических профилей стран был использован суммарный коэффициент рождаемости, скорректированный на темпо-эффект, и объем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, рассчитанный по паритету покупательской способности. Данный подход позволяет выделить четыре основные группы стран (рисунок 1): с высоким уровнем экономического развития и низким уровнем рождаемости (Италия, Германия, Австрия, Швейцария, Испания и Мальта); с относительно высоким уровнем как экономического развития, так и рождаемости (Норвегия, Дания, Великобритания, Финляндия, Франция); с невысоким уровнем экономического развития и высоким уровнем рождаемости относительно среднего уровня европейского региона (Хорватия, Эстония, Румыния, Латвия, Болгария); с невысоким относительно прочих европейских стран уровнем экономического развития и рождаемости (Латвия, Сербия, Беларусь, Польша). Данные последней волны GGP доступны по 17 странам, 13 из которых относятся к европейскому региону. На основе выявленных профилей целесообразно отобрать несколько стран для каждого профиля, которые будут выступать в качестве типичных представителей своей группы. Для анализа первого профиля были использованы данные по Австрии и Германии, второго — Норвегии и Великобритании, треть-

его — Эстонии и Хорватии. Четвертый профиль представлен только Беларусью, поскольку это единственная страна из соответствующей группы, по которой имеются данные.

Характеристика демографических профилей

Для описания демографических профилей были рассмотрены следующие страны: Германия (профиль 1), Норвегия (2), Эстония (3) и Беларусь (4). Анализ репродуктивных и matrimониальных процессов требует учета ключевых демографических характеристик, которые могут варьировать в зависимости от социально-экономических условий. Для характеристики демографических профилей были выбраны две переменные: среднее количество детей на одну женщину и средний возраст рождения первого ребенка.

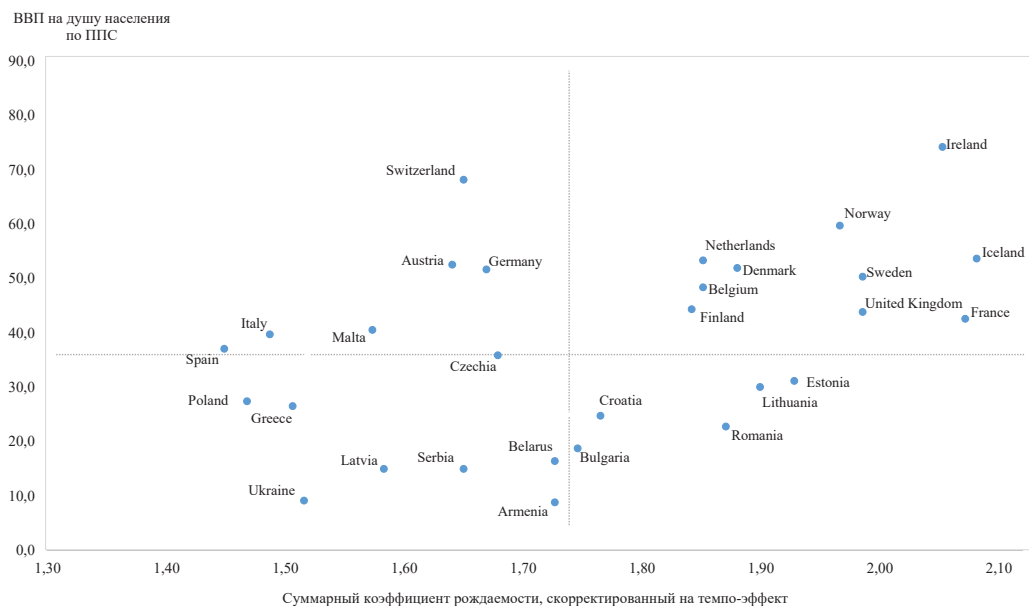

Рис. 1. Распределение стран Европы по показателям суммарного коэффициента рождаемости и ВВП на душу населения относительно среднего уровня по всем странам

В идеальном сценарии для обеспечения воспроизводства населения необходимо, чтобы каждая женщина родила как минимум двух детей, однако если брать в учет внешние факторы (ранняя смертность — до вступления в репродуктивный период, бесплодие и др.), данного количества недостаточно. В основном динамика численности населения определяется количеством многодетных семей (3 и более ребенка), и именно снижение их доли в общей структуре чаще всего приводит к общему снижению уровня воспроизводства населения (таблица 1).

Таблица 1

Распределение населения по количеству рожденных детей, %

Страна	Количество детей	Поколение 1970–1974	Поколение 1975–1979
Германия	Нет детей	25,1	25,6
	1 ребенок	22,7	23
	2 ребенка	36,1	37,4
	3 ребенка и более	16	13,9
Норвегия	Нет детей	13,9	18,8
	1 ребенок	10,9	10,2
	2 ребенка	41,7	43,2
	3 ребенка и более	33,5	27,8
Эстония	Нет детей	6,5	8
	1 ребенок	26	22,1
	2 ребенка	42,6	41,5
	3 ребенка и более	24,9	28,4
Беларусь	Нет детей	11,8	13,4
	1 ребенок	36,6	33,1
	2 ребенка	41,1	41,4
	3 ребенка и более	10,5	12,1

Страны, характеризующиеся рождаемостью выше средневропейской, имеют наибольшую долю многодетных семей. Одна из основных предпосылок, определяющих количество рожденных детей, — возраст рождения первого ребенка, и данные говорят о тренде увеличения среднего возраста рождения первого ребенка: для поколения 1965–1969 годов рождения он составлял 24,2 года, для поколения 1980–1984 годов — 28,5 лет. Данная тенденция характерна для всех рассматриваемых демографических профилей, причем в странах, где уровень ВВП на душу населения выше среднего, женщины предпочитают заводить первого ребенка позже (27–29 лет), тогда как в странах с более низким ВВП рожают первенца в среднем на 3–4 года раньше (таблица 2).

Таблица 2

Средний возраст рождения первого ребенка

Страна	1965–1969	1970–1974	1975–1979
Германия		28,3	29,5
Норвегия	26,8	27,4	28,5
Эстония	23,2	23,9	25,4
Беларусь	23,8	24,1	25

Увеличение возраста рождения первого ребенка обусловлено множеством социальных, культурных и экономических факторов — их можно свести ко все возрастающим стандартам в сфере образования, карьеры и материального положения, которые считаются достаточными для принятия решения о рождении ребенка. В демографическом плане данная тенденция приводит уменьшению продолжительности активного репродуктивного периода, поскольку верхняя граница фертильности относительно стабильна, т.е. тенденция приводит к уменьшению количества детей, которых женщина успевает родить к концу фертильного возраста (таблица 3).

Таблица 3

**Среднее количество детей на женщину
к концу репродуктивного возраста в зависимости
от возраста рождения первого ребенка (поколение 1970–1979 гг.р.)**

Возраст рождения первого ребенка	Среднее количество детей на одну женщину к концу репродуктивного возраста			
	Германия	Норвегия	Эстония	Беларусь
до 20 лет	1,93	3,31	2,25	2,19
от 20 до 24 лет	1,91	2,57	2,18	1,96
от 25 до 29 лет	1,85	2,21	1,85	1,78
от 30 до 34 лет	1,69	1,96	1,63	1,61
от 35 до 39	1,39	1,59	1,43	1,33
от 40 лет и более	1	1,21	1,06	1,19

Проследить динамику деторождения и оценить возрастные различия в реализации репродуктивных установок можно на основе накопленного уровня рождаемости в течение репродуктивного периода: верхняя граница активного репродуктивного возраста практически одинакова для всех стран — около 33–35 лет, для стран с более развитой экономикой — 36–37 лет, т.е. решение о деторождении в верхних границах интервала значительно снижает шансы последующих рождений (рисунок 2).

Для стран, характеризующихся относительно низким уровнем ВВП на душу населения, основной прирост рождаемости приходится на более ранний возраст — 20–24 года: к этому моменту большинство женщин Беларуси и Эстонии вступили в репродуктивный период и обеспечили более половины общего уровня рождаемости. Для стран первого и второго демографического профиля реализация репродуктивных намерений характерна в более поздних возрастах — 24–31 год, однако, в отличие от предыдущих стран, распределение деторождений в Германии и Норвегии имеет более равномерный характер в течение фертильного возраста, т.е. деторождение, видимо, в меньшей степени зависит от внешних факторов и больше связано

с индивидуальными установками (рисунок 3). В частности, Норвегия на протяжении последних десятилетий проводит активную демографическую политику, направленную на поддержку семей с детьми и создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей: значительные пособия, включая единовременные выплаты при рождении ребенка и ежемесячные пособия до достижения ребенком 18 лет; меры по защите прав беременных и молодых матерей; гибкий график работы и возможность удаленной занятости позволяют женщине сохранять профессиональную активность, не откладывая рождение детей на более поздние периоды жизни; стимулирование участия отцов в уходе за детьми дает женщинам после рождения ребенка больше возможностей для реализации в профессиональной сфере.

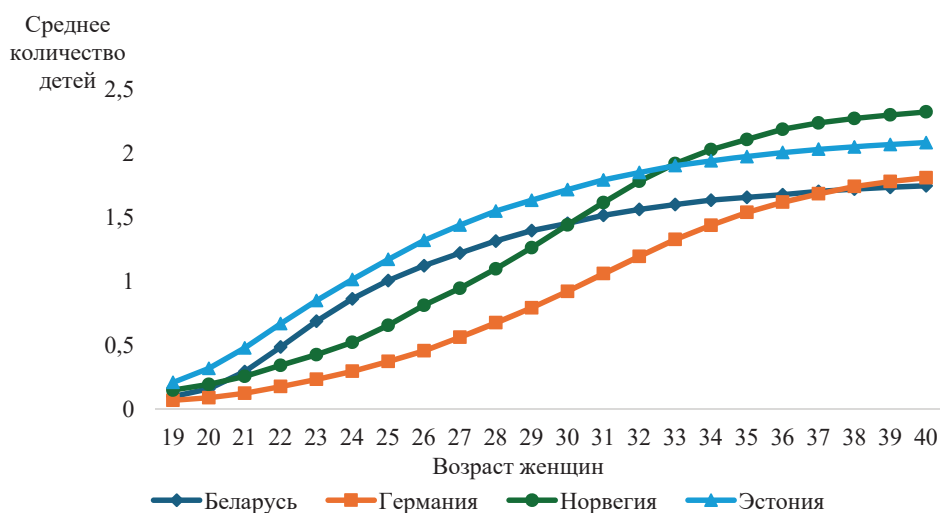

Рис. 2. Динамика накопленного уровня рождаемости для поколения 1970–1979 гг.р

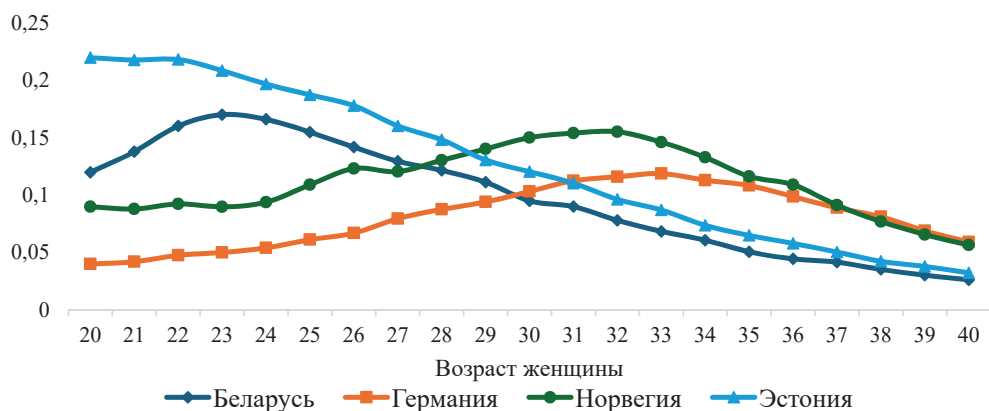

Рис. 3. Динамика прироста накопленного уровня рождаемости

Поздняя реализация репродуктивных установок может быть не критична, если интергенетический интервал между рождением первого и второго ребенка незначителен — тогда женщина имеет высокую вероятность родить более одного ребенка (таблица 4). Так, для стран с менее высоким ВВП на душу населения (Беларусь и Эстония) интергенетический интервал между первым и вторым ребенком составляет от 3 до 9 и более лет: ориентация на более продолжительный интервал между деторождениями может быть обусловлена чрезмерной финансовой нагрузкой, связанной с рождением и одновременным воспитанием нескольких детей младшего возраста. В Германии и Норвегии данный интервал короче — в среднем от 2 до 6 лет.

Таблица 4

**Интергенетический интервал
между рождением первого и второго ребенка, %**

Интервал	Беларусь	Германия	Норвегия	Эстония
до 1 года	1,3	4,8	3,9	5
от 1 до 2 лет	5,8	7,4	6,2	9,8
от 2 до 3 лет	15,1	25,8	27,2	16,7
от 3 до 6	36,7	44,7	47,5	30,3
от 6 до 9	20,8	9,9	10,1	20,3
от 9 и более	20,3	7,4	5,1	17,9

Репродуктивные установки и уровень их реализации

Репродуктивные установки отражают представления о желаемом числе детей и предпочтительных моделях деторождения и во многом определяют демографическую динамику, оказывая влияние на уровень рождаемости и характер воспроизводства населения. Однако реализация репродуктивных намерений не всегда соответствует ожиданиям, что может быть связано как с индивидуальными обстоятельствами, так и с макроуровневыми условиями (государственная политика, экономическая ситуация и семейные ценности). Динамика желаемой рождаемости позволяет оценить долгосрочные демографические тенденции: в отличие от фактической рождаемости, зависящей от множества внешних факторов, желаемая рождаемость отражает представления о семье и репродуктивные планы (таблица 5).

Динамика желаемой рождаемости в реальных поколениях в большинстве рассматриваемых стран демонстрирует высокую стабильность при минимальных колебаниях значений. Вместе с тем в Эстонии и Беларуси для молодых поколений характерна тенденция снижения количества желаемых детей: в Беларуси среди поколения 2000-х — 1,94, в Эстонии желаемое количество детей сократилось с 2,48 до 2,12. В среднем женщины за-

являли о желании иметь больше детей, чем мужчины, особенно в Германии и Великобритании, но в целом гендерный разрыв в репродуктивных установках незначителен. Бездетность остается наименее предпочтительной моделью, а большинство респондентов отдают предпочтение двухдетной модели семьи. Установки на многодетную семью характерны преимущественно для стран с высокой текущей рождаемостью (Норвегия, Хорватия и Эстония): доля населения, ориентированного на рождение трех и более детей, составляет около 40 % (таблица 6).

Таблица 5

Динамика желаемой рождаемости в реальных поколениях

Страна	1980–1984	1985–1989	1990–1994	1995–1999	с 2000
Австрия	2,13	2,12	2,18	2,07	2,2
Германия	2,21	2,22	2,31	2,27	2,27
Норвегия	2,49	2,41	2,36	2,4	2,43
Великобритания	2,17	2,15	2,15	2,24	2,36
Хорватия	2,47	2,37	2,4	2,37	2,42
Эстония	2,48	2,38	2,23	2,18	2,12
Беларусь	2,18	2,21	2,21	2,05	1,94
Мужчины					
Австрия	2,12	2,04	2,21	2,15	2,2
Германия	2,19	2,2	2,31	2,22	2,16
Норвегия	2,46	2,35	2,33	2,32	2,44
Великобритания	2,08	2,07	2,02	2,07	2,31
Хорватия	2,55	2,33	2,46	2,53	2,49
Эстония	2,53	2,36	2,18	2,12	2,08
Беларусь	2,1	2,21	2,06	2,16	1,89
Женщины					
Австрия	2,14	2,18	2,16	2,02	2,2
Германия	2,22	2,24	2,32	2,32	2,35
Норвегия	2,52	2,45	2,4	2,45	2,42
Великобритания	2,22	2,19	2,21	2,31	2,39
Хорватия	2,4	2,4	2,36	2,26	2,35
Эстония	2,44	2,39	2,26	2,21	2,15
Беларусь	2,26	2,22	2,31	2,01	1,95

Таблица 6

**Распределение респондентов по количеству желаемых детей, %
(для поколений, родившихся после 1980)**

Страна	Не желают	1 ребенок	2 ребенка	3 и более
Австрия	6,74	9,93	56,84	26,5
Германия	7,24	7,76	51,14	33,86
Великобритания	9,91	7,92	50,81	31,36
Норвегия	1,49	1,82	57,76	38,93
Хорватия	3,72	7,3	50,51	38,47
Эстония	4,52	8,64	48,42	38,43
Беларусь	1,34	14,41	60,11	24,13

Однако желаемое количество детей не отражает в полной мере репродуктивные установки, поскольку деторождение тесно сопряжено с социально-экономическими факторами: ориентация на получение образования, финансовое положение, доступность жилья и прочие условия смещают деторождение в более поздний возраст, что в значительной мере определяет и итоговое число рожденных детей. В данном контексте целесообразно оценить влияние возраста и количества детей на репродуктивные намерения в ближайшее время (в течение следующих трех лет) (таблица 7).

Таблица 7

**Доля женщин, намеревающихся родить ребенка
в течение следующих трех лет, %**

Страна	Вариант	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет
Беларусь	Нет детей	47,9	63,9	50
	Один ребенок	50	43,1	24,4
	Два ребенка	43	34,6	15,7
Германия	Нет детей	37,3	52,1	36,3
	Один ребенок	57,9	51,7	29,7
	Два ребенка	38,9	43,8	21,1
Норвегия	Нет детей	38,1	47,86	31,7
	Один ребенок	81,5	79,7	46,4
	Два ребенка	42,8	44,4	19,8
Эстония	Нет детей	55,6	60,2	57,7
	Один ребенок	64,6	62,3	40,1
	Два ребенка	50,8	44,6	27,5

Во всех рассматриваемых странах с увеличением возраста и числа детей вероятность рождения ребенка снижается: среди женщин, кто в 25–29 лет родил первого ребенка, вероятность рождения второго ребенка выше, чем среди тех, чей репродуктивный период не начался. Наибольшая вероятность рождения второго ребенка характерна для стран второго и третьего демографического профиля, таких как Эстония (65 % женщин в возрасте 25–29 лет, имеющие одного ребенка, планируют в ближайшие три года завести второго) и Норвегия (79 %). Похожая ситуация наблюдается в этих странах и в более позднем возрасте — у женщин 30–34 лет. Более того, больше трети женщин в возрасте 25–29 лет в данных странах намерены родить третьего ребенка в ближайшее время. В группе 25–29-летних в Беларуси 50 % женщин имеют ребенка и планируют рождение второго в ближайшие три года, среди 30–34-летних этот показатель снижается до 43 %, среди 35–39-летних — до 24 %. Схожая динамика прослеживается и в Германии, где доля женщин, планирующих второго ребенка, варьирует от 58 % в 25–29 лет до 30 % в 35–39 лет. Если в 25–29 лет женщина в данных странах имеет двух детей, то вероятность рождения третьего оказывается ниже, чем в других странах — в Германии 21 %, в Беларуси 16 %.

Таким образом, возраст и наличие детей — основные факторы вероятности рождения ребенка в ближайшие годы, но важную роль играют социально-экономические условия и государственная семейная политика.

Связь матримониального и репродуктивного поведения

Матримониальные установки и фактическое матримониальное поведение — ключевые детерминанты реализации репродуктивных установок: возраст вступления в брак и устойчивость семейных союзов оказывают непосредственное влияние на рождаемость и структуру семей. Взаимосвязь брачных установок и репродуктивного поведения принципиально важна для демографического анализа, поскольку вступление в брак традиционно рассматривается как важное условие рождения и воспитания детей.

Матримониальный статус напрямую определяет репродуктивную стратегию женщины и, как следствие, конечное число рожденных детей. В статье рассмотрены три матримониальных статуса, описывающих отношение женщины к браку и партнерству: прежде не было постоянного партнера, прежде не вступала в брак и прежде вступала в брак (единожды и не разводилась, ранее была в браке и вступила в новый после развода, ранее была в браке и не вступала в новый брак). Первый статус — прежде не было постоянного партнера — характеризуется наименьшей репродуктивной активностью: во-первых, женщины, не имевшие ранее постоянного партнера, вероятнее всего находятся в начале своего репро-

дуктивного периода; во-вторых, традиционное представление о родителестве предполагает наличие постоянного партнера, что обусловлено и социально-экономическими факторами. Соответственно, низкая репродуктивная активность характерна для тех женщин, кто ранее не состоял в браке, а наибольшая — для женщин, состоявших в браке (в данной группе наименьшие показатели у тех, кто расторг брак и не вступил в новые отношения, поскольку женщины без постоянного партнера сталкиваются с серьезными затруднениями в реализации репродуктивных намерений) (таблица 8).

Таблица 8

Среднее количество детей к концу фертильного возраста в зависимости от матримониального статуса женщины (для поколения 1970–1979 гг.р.)

Варианты	Германия	Великобритания (в силу несопоставимости данных по Норвегии)	Эстония	Беларусь
Не было постоянного партнера	0,17	1,13	1	0,71
Не вступала в брак	0,78	1,22	1,78	0,87
Вступала в брак	1,73	1,94	2,25	1,68
в том числе				
Единожды и не разводилась	1,76	2,02	2,29	1,77
Вступила в повторный брак после развода	1,7	2,05	2,18	1,68
Не вступила в повторный брак после развода	1,57	1,74	1,85	1,42

Современные технологии, в том числе мобильные приложения для знакомств, могут сыграть значимую роль в решении проблемы снижения рождаемости среди разведенных женщин. Цифровые платформы, ориентированные на поиск серьезных отношений, могут выступить инструментом преодоления социально-экономических и психологических барьеров, мешающих повторному вступлению в отношения и, как следствие, увеличению вероятности рождения детей. Женщинам, которые после развода сталкиваются с ограниченным социальным окружением и сниженной возможностью знакомств, такие платформы предоставляют альтернативный способ поиска партнера. Кроме того, в отличие от случайных знакомств в реальной жизни, приложения помогают отбирать партнеров, которые заинтересованы в создании семьи и рождении детей, что повышает вероятность успешного развития отношений. В контексте демографиче-

ской политики государство и социальные институты могут поддерживать такие платформы путем их интеграции в программы, направленные на стимулирование рождаемости.

Возрастной сдвиг в реализации репродуктивных установок говорит о необходимости учета не только фактического числа рождений, но и установок женщин относительно брака и деторождения (насколько готовность к созданию семьи связана с планами деторождения). В качестве показателей, отражающих намерения женщины вступить в брак и родить детей, используются вопросы о планах реализации репродуктивных и матримониальных установок в ближайшие три года. Таблица 9 показывает положительную корреляцию между установками на брак и репродуктивными намерениями ($r = 0,42$). Так, среди тех, кто намерен вступить в брак, высока доля тех, кто намерен родить ребенка в ближайшее время. Аналогичная ситуация наблюдается и среди тех, кто не рассматривает брак как ближайшую перспективу. Небольшие группы респондентов демонстрируют расхождения в установках, что может указывать на новые демографические модели, в частности, на рост числа людей, допускающих рождение ребенка вне брака или, наоборот, вступление в брак без немедленного деторождения.

Таблица 9

Зависимость намерения рождения ребенка в течение ближайших трех лет от установок на вступление в брак, %

Установки на вступление в брак в течение ближайших трех лет	Доля планирующих рождение ребенка
Определенно не намерены вступать в брак	28,7
Скорее не намерены вступать в брак	37,9
Затрудняются ответить	52,2
Скорее намерены вступать в брак	75,9
Определенно намерены вступать в брак	85

Во всех рассматриваемых странах прослеживается следующая тенденция: чем выше намерение вступить в брак, тем выше готовность женщины родить ребенка в ближайшие три года, что подтверждает взаимосвязь брачных и репродуктивных установок. Беларусь, в отличие от остальных стран, демонстрирует самые высокие намерения на вступление в брак вне зависимости от планов по рождению ребенка: видимо, в Беларуси готовность к браку выражена сильнее и в меньшей степени зависит от репродуктивных планов по сравнению с другими странами (таблица 10).

Таблица 10

**Средняя оценка намерений женщин вступить в брак
в зависимости от намерений родить ребенка,
в баллах (вступление в брак)**

Намерение родить ребенка	Германия	Великобритания	Эстония	Беларусь
Определенно не намерена	2,62	2,65	2,38	3,04
Скорее не намерена	3,04	2,71	2,8	3,35
Не уверена	3,36	3,09	2,88	3,78
Скорее намерена	3,78	3,64	3,22	3,67
Определенно намерена	4,1	3,94	3,61	4,36

**Материальные факторы
реализации репродуктивных установок**

В качестве материальных факторов мы рассмотрели два показателя, наиболее релевантно отражающих финансовое положение респондента: совокупный доход и жилищные условия. Поскольку вопросы о финансах характеризуются высокой степенью сенситивности, опросные данные содержат много пропущенных и некорректных значений (до трети массива в вопросах об абсолютных значениях дохода домохозяйства), что затрудняет анализ. Целесообразно использовать вопросы о субъективном восприятии респондентами своего финансового положения, но они применимы лишь в случае высокого уровня соотнесенности объективного уровня дохода и его восприятия. Имеющиеся данные демонстрируют рост средних интервальных значений чистого дохода по мере роста субъективных оценок финансового положения — средние интервальные значения чистого дохода последовательно увеличиваются при переходе от ответов «с большим трудом» к «очень легко» (таблица 11), т.е. можно использовать субъективные оценки в качестве показателя финансового положения, влияющего на решения, связанные с созданием семьи и рождением детей. Поскольку в нуклеарной семье значительную долю финансовой ответственности за рождение и воспитание ребенка берет на себя мужчина, целесообразно учитывать ответы не только женщин, но и мужчин.

Таблица 11

Зависимость ответов на вопрос «Насколько легко или трудно Вам обеспечивать текущие расходы?» от значения чистого дохода, в баллах

Варианты	Беларусь	Германия	Норвегия	Эстония
С большим трудом	3,58	3,1	3,74	3,22
С трудом	3,68	3,7	4,36	3,85
С некоторыми трудностями	4,47	4,13	4,96	3,79
Довольно легко	5,11	4,57	5,8	4,34
Легко	5,55	5,02	6,12	4,83
Очень легко	5,88	5,44	6,54	5,45

Интервальные значения чистого дохода включали 8 значений, где 1 — минимально возможный уровень, 8 — максимально возможный. Для обеспечения сопоставимости результатов в инструментarii использовались шкалы, наиболее полно отражающие особенности странового интервала, например, в Беларуси 8 — от 5500 белорусских рублей и выше (1500 евро), а в Германии — от 4500 евро и выше.

Данные опроса говорят о значительных различиях в субъективной оценке финансового положения: в Германии и Норвегии финансовая уверенность респондентов выше, а в Беларуси и Эстонии выше доля испытывающих финансовые трудности (таблица 12). Согласно таблице 13, чем лучше респонденты оценивают свое финансовое положение, тем выше доля тех, кто планирует рождение ребенка в ближайшее время, т.е. материальная обеспеченность способствует реализации репродуктивных намерений, и группы населения со стабильным высоким доходом — основа репродуктивного потенциала страны. Соотношение доходных групп в структуре населения позволяет оценить динамику репродуктивного поведения: численно доминирующая группа определяет основной репродуктивный тренд, например, 45 % 25–29-летних в Беларуси сталкиваются с некоторыми финансовыми трудностями, и 44 % из них планируют родить ребенка в ближайшее время, тогда как среди 12 % самых обеспеченных в этой группе 59 % планируют завести ребенка в ближайшее время. Среди респондентов со сложным финансовым положением с возрастом снижается доля планирующих рождение ребенка в ближайшие три года. Среди обеспеченных основная доля планирующих рождение ребенка приходится на группу 30–34-летних, т.е. высокий доход (за счет образования и профессиональной реализации) способствует более поздней реализации репродуктивных установок.

Таблица 12
Распределение ответов на вопрос «Насколько легко или трудно Вам обеспечивать текущие расходы?», %
(«с большим трудом» и «с трудом» были объединены в «с трудом»;
«очень легко» и «легко» были объединены в «легко»)

Варианты	Беларусь (данные первой волны GGG-II – 2017 год)			Германия			Норвегия			Эстония		
	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39
С трудом	14,9	17,5	19,9	7,2	6,3	6,2	9,8	8,8	10,2	9,5	6,8	7,1
С некоторыми трудностями	45	44	47,2	13,5	11,7	13,1	22,5	25,4	24,9	19,9	18,3	20,7
Довольно легко	28,3	26	22,9	24,5	23,7	26,7	30	28,1	28,6	32,5	33,9	34,9
Легко	11,8	12,5	10	54,8	58,3	54	37,7	37,7	36,3	38,1	41	37,3

Таблица 13
Доля респондентов, планирующих завести ребенка в ближайшие годы в зависимости от ответа на вопрос
«Насколько легко или трудно Вам обеспечивать текущие расходы?», %

Варианты	Беларусь (данные первой волны GGG-II – 2017 год)			Германия			Норвегия			Эстония		
	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39
С трудом	35,5	29,7	16,7	30,5	36,4	17,6	29,3	28,2	22,4	46,5	40,3	28,6
С некоторыми трудностями	43,6	30,9	18,2	25,8	31,9	21,7	34,7	34,8	18	41,4	33,3	23,2
Довольно легко	53,1	42,7	21,7	27,6	38	19,8	34,4	49,2	27,5	44,3	41,7	31,3
Легко	59,1	47,5	23,5	35,6	46,1	25,4	44	49,4	23,6	49,8	53,5	32,8

Второй ключевой материальный фактор — жилищные условия: так, в Беларуси наблюдается закономерное увеличение доли собственников жилья с возрастом, т.е. по мере роста финансовых возможностей. В молодом возрасте значительная часть респондентов либо проживает с родителями, либо арендует жилье (одно- или двухкомнатное), но к 35–39 годам доля владельцев возрастает до 69 % (половина владеет недвижимостью с тремя и более комнатами). Таким образом, противоречие заключается в том, что в оптимальном возрасте для деторождения большая часть населения не располагает необходимыми жилищными условиями. В Германии фиксируется высокий уровень аренды даже среди старших возрастных групп; более трех четвертей 25–29-летних проживают отдельно, но не имеют жилья в собственности даже к 35–39 годам. Доминирование долгосрочной аренды (преимущественно трехкомнатного жилья) в Германии связано как с высокой стоимостью недвижимости, так и с высокой трудовой мобильностью населения. В Норвегии и Эстонии среди молодежи наблюдается высокая доля владельцев жилья вследствие доступности ипотечного кредитования и развитой системы социальной поддержки. Молодые норвежцы и эстонцы приобретают недвижимость в раннем возрасте, что способствует ранней социальной и экономической самостоятельности и, как следствие, стимулирует рождение детей в более молодом возрасте.

Таким образом, распределение респондентов по уровню жилищных условий позволяет отчасти объяснить уровень рождаемости: Норвегия и Эстония, отличающиеся высоким показателем рождений на одну женщину, характеризуются более благоприятными предпосылками для раннего вступления в брак и рождения детей, в отличие от Беларуси и Германии, где жилищный вопрос стоит более остро, что ведет к откладыванию деторождения на более поздние этапы жизни (таблица 14). Высокое качество жилищных условий — условие реализации репродуктивных намерений: невозможность предоставить будущему ребенку комфортные условия вынуждают откладывать его рождение на неопределенный срок, а смещение календаря рождений в более поздний возраст значительно снижает число возможных рождений.

У белорусских женщин, проживающих с родителями, рождаемость находится на уровне чуть более одного ребенка, у проживающих в арендуемом жилье — около 1,3, у тех, кто имеет собственное жилье, — 1,5. С другой стороны, важен не столько факт владения жилой недвижимостью, сколько размер жилого пространства: наличие нескольких комнат обычно связано с лучшими условиями для воспитания детей и с возможностью разделить пространство между детьми, что повышает качество жизни всей семьи. По этой причине основной прирост числа рождений приходится на женщин, которые проживают в квартирах с тремя и более комнатами (таблица 15).

Таблица 14

Распределение респондентов по жилищным условиям, %

Варианты	Беларусь (2017)			Германия			Норвегия			Эстония		
	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39
Проживают с родителями	25	18,4	15	12,1	3,9	3,1	4,5	0,4	1,1	8,1	5,7	6,8
Проживает отдельно, но нет своего жилья	26,4	24,4	16,1	76,4	67,8	54,4	48,3	22,3	19,1	40	24,4	16,3
в том числе												
одна комната	9,7	6,2	3,5	7,9	4	2,1	8,9	5,0	1,6	10,0	4,9	2,7
две	10,8	11	7,9	24,7	17,3	11	17,8	7,9	6,6	21,7	11,3	7
три и более	5,9	7,2	4,7	43,8	46,6	41,3	21,6	9,5	10,9	8,3	8,2	6,6
Проживает отдельно, есть свое жилье	48,6	57,2	68,9	11,5	28,3	42,6	47,3	77,3	79,8	51,9	69,9	76,9
в том числе												
одна комната	9,7	7,4	5,5	0,3	0,1	0,2	3,4	2,1	0,5	2,3	2,5	1,8
две	20,3	23,6	27,2	1,1	1,2	1	14	12,8	5,5	18,9	17	15
три и более	18,6	26,2	36,2	10,2	27	41,4	29,8	62,4	73,8	30,7	50,4	60,1

Таблица 15

Среднее количество детей на одну женщину в Беларуси

Варианты	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет
Проживают с родителями	0,96	1,18	1,17
Проживает отдельно, но не имеет жилья в собственности	0,97	1,47	1,55
в том числе			
одна комната	0,83	1,37	0,94
две	0,8	1,34	1,65
три и более	1,52	1,74	1,83
Проживает отдельно и имеет собственное жилье	1,16	1,58	1,73
в том числе			
одна комната	0,83	1,19	1,21
две	1,2	1,37	1,63
три и более	1,28	1,88	1,89

Приведенные данные позволяют оценить возможный уровень рождаемости, если бы жилищные условия в стране были сопоставимы с европейскими странами, отличающимися высокими показателями рождаемости на одну женщину. Так, если бы распределение населения по типам жилищных условий в Беларуси было бы таким же, как в Норвегии или Эстонии, то уровень рождаемости составил 1,83 и 1,74 рождений на одну женщину, соответственно, что на 0,21 и 0,12 выше текущего уровня, т.е. жилищная политика может стать важным инструментом стимулирования рождаемости. Увеличение доступности жилья, особенно многокомнатных квартир и частных домов, способно повысить рождаемость, а, значит, необходима жилищная поддержка семей, субсидирование ипотечного кредитования для многодетных семей и развитие программ арендного жилья.

Таким образом, в статье были обозначены ключевые особенности демографического поведения в странах второго демографического перехода: трансформация демографических моделей сопровождается изменениями в репродуктивных установках, матримониальном поведении и ценностных ориентациях. Во-первых, страны второго демографического перехода характеризуются существенными различиями в демографическом поведении, несмотря на общие тенденции снижения рождаемости и смещения календаря деторождений на более поздний возраст: различия обусловлены сочетанием экономических, социальных и культурных факторов, а также особенностями государственной демографической политики. Во-вторых, во всех рассматриваемых странах наблюдается разрыв между декларируемыми установками на желаемое число детей и фактической рождаемостью, хотя в целом наблюдается устойчивость желаемого числа детей (бездетность — наименее предпочитаемая модель, двухдетная семья — наиболее распространенный ориентир). В-третьих, матримониальные установки и фактическое матримониальное поведение играют ключевую роль в реализации репродуктивных установок: вступление в брак и его устойчивость прямо влияют на уровень рождаемости, поэтому государственная политика, направленная на поддержку семейных ценностей и устранение барьеров для создания устойчивых партнерских отношений, может улучшить демографическую ситуацию. В свою очередь, материальное благополучие (стабильный высокий доход и комфортные жилищные условия) — ключевой фактор репродуктивного поведения, особенно в молодых возрастных группах, что также представляется важным направлением для государственного стимулирования репродуктивного потенциала страны.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», поддержанного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.03.2021 № 141 «Об одобрении проектов международной технической помощи» и зарегистрированного в базе данных проектов и программ международной технической помощи Министерства экономики Республики Беларусь 15.03.2021 за № 2/21/001130».

Библиографический список

1. *Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В.* Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
2. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Т. 2: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск, 2018.
3. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Т. 1: Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер» / Под ред. Д.Г. Ротмана, Т. Эмери. Минск, 2018.
4. *Белов А.А., Данилов А.Н., Денисов А.Ю., Филинская Л.В.* Белорусская семья в меняющемся мире // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
5. *Белов А.А., Похомова А.А., Соглаева Л.А., Филинская Л.В.* Лонгитюдное исследование белорусской семьи по методологии программы «Поколения и гендер» // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 1.
6. *Данилов А.Н., Безнюк Д.К., Богдевич И.М. и др.* Современный социум: новые вызовы и риски // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 4.
7. *Меньшиков В., Кудиньш Я., Кокаревича А., Комарова В., Чижо Э.* Междисциплинарное исследование среднесрочного тренда рождаемости в Латвии (1970–2022 годы) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
8. *Назарова И.Б., Зеленская М.П.* Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4.
9. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
10. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
11. *Троцук И.В., Парамонова А.Д.* «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3.
12. *Филинская Л.В., Левицкая И.В., Мисун А.А.* Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 3.
13. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
14. Eurostat (European Statistical Office) // URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>.
15. Generations & Gender Programme // URL: <https://www.ggp-i.org>.
16. Vienna Institute of Demography // URL: <https://www.oeaw.ac.at/vid>.

Belarusian family in the context of future challenges*

A.A. Belov¹, A.N. Danilov², M.A. Korneevets², L.V. Filinskaya³

¹Technopark of InKata LLC,
*Pekin Avenue, 18, China-Belarus Industrial Park “Great Stone”,
Minsk Region, 222210, Republic of Belarus*

²Belarusian State University,
Kalvaryiskaia St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus,

³Center for Sociological and Political Research of BSU
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus,

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by,
max.berg711@gmail.com; filinskay@gmail.com)

Abstract. Generations and Gender Programme (GGP) is an international comparative study aimed at examining demographic, social and economic aspects of population life to identify how emerging challenges affect changes in family and demographic dynamics, including marriage, fertility, divorce, gender roles and intergenerational relations. The programme’s main research tool is the Generations and Gender Survey (GGS) — a panel study that provides detailed data on daily life, family relationships and social-economic status. Based on the latest available wave of the GGS II survey, the authors examined the data on several countries as representing four profiles (to ensure a representative description of each): the first profile includes Austria and Germany, the second — Norway and the United Kingdom, the third — Estonia and Croatia, and the fourth — Belarus. Belarusian demographic development follows global trends: birth rates are rather evenly distributed across age groups; there is a noticeable shift in childbearing toward later reproductive ages and a persisting gap between the declared ideal number of children and actual fertility rates. Childlessness remains the least preferred model, while the two-child family is the most desired model in all countries under study; however, in Belarus and Estonia younger generations show a trend of declining desired number of children. Such factors as education, financial stability, housing conditions and state support contribute to postponing childbirth, which affects the total number of children born.

Key words: Republic of Belarus; Generations and Gender Programme; Belarusian family; reproductive age; education; financial stability; housing conditions; state support

For citation: Belov A.A., Danilov A.N., Korneevets M.A., Filinskaya L.V. Belarusian family in the context of future challenges. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 596–618. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-596-618>

*© A.A. Belov, A.N. Danilov, M.A. Korneevets, L.V. Filinskaya, 2025

The article was submitted on 17.02.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

References

1. Archangelsky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Y.V. Reproductivnoe povedenie rossiyskikh zhenshchin v zavisimosti ot obrazovatel'nogo statusa [Reproductive behavior of Russian women as depending on their level of education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
2. *Belarus: struktura semyi, semeynye otnosheniya, reproductivnoe povedenie. T. 2: Analiz rezultatov issledovaniya "Pokoleniya i gender"* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior. Vol. 2. : Analysis of the Results of the Study "Generations and Gender"]. Pod red. O. Tereshchenko, T. Kuchera. Minsk; 2018. (In Russ.).
3. *Belarus: struktura semyi, semeynye otnosheniya, reproductivnoe povedenie. T. 1: Metodologiya i opyt provedeniya issledovaniya "Pokoleniya i gender"* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior. Vol. 1. : Methodology and Results of the Study "Generations and Gender"]. Pod red. D.G. Rotmana, T. Emery. Minsk; 2018. (In Russ.).
4. Belov A.A., Danilov A.N., Denisov A.Yu., Filinskaya L.V. Belorusskaya semya v menya-yushchemsya mire [Belarusian family in the changing world]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
5. Belov A.A., Pokhomova A.A., Soglaeva L.A., Filinskaya L.V. Longityudnoe issledovanie belorusskoy semyi po metodologii programmy "Pokoleniya i gender" [Longitudinal study of the Belarusian family based on the methodology of the Generations and Gender Programme]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2024; 1. (In Russ.).
6. Danilov A.N., Beznyuk D.K., Bogdevich I.M. et al. Sovremennyy sotsium: novye vyzovy i riski [Contemporary society: New challenges and risks]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2022; 4. (In Russ.).
7. Menshikov V., Kudins J., Kokarevica A., Komarova V., Cizo E. Mezhdistsiplinarnoe issledovanie srednesrochnogo trenda rozhdayemosti v Latvii (1970–2022 gody) [Interdisciplinary study of the medium-term fertility trend in Latvia (1970–2022)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
8. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Reproductivnye ustanovki studencheskoy molodezhi: tsennostny aspekt (obzor empiricheskikh issledovaniy) [Reproductive attitudes of the student youth (a review of empirical studies)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (4). (In Russ.).
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
10. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Transformatsiya obraza zhelaemoy modeli semyi u raznykh pokoleniy: rezultaty vserossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
11. Trotsuk I.V., Paramonova A.D. "Status" instituta semyi v sovremennom obshchestve i semeyno-brachnye tsennosti molodezhi ["Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (3).
12. Filinskaya L.V., Levitskaya I.V., Misun A.A. Iskusstvenny intellekt i obrazovanie: problemy, riski, perspektivy [Artificial intelligence and education: Problems, risks, prospects]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2024; 3. (In Russ.).
13. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropeyskikh tsennostey", volna-2018* [Value World of Today's Man: Project "European Values Study", Wave–2018]. Pod red. D.M. Bulynko, D.G. Rotmana. Minsk; 2019. (In Russ.).
14. Eurostat (European Statistical Office). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>.
15. Generations & Gender Programme. URL: <https://www.ggp-i.org>.
16. Vienna Institute of Demography. URL: <https://www.oeaw.ac.at/vid>.